ГАЗЕТА «РЕЧЬ» В ДНИ ИЮЛЬСКОГО КРИЗИСА 1914 ГОДА

Б.С. Котов

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Ленинский проспект, 32А, Russia, 19991.

В данной статье рассматривается позиция газеты «Речь» во время июльского кризиса 1914 года. «Речь», основанная в 1906 г. партией конституционных демократов (кадетов), являлась накануне Первой мировой войны одним из важнейших либеральных органов в системе российской периодической печати. Традиционно газета уделяла большое внимание вопросам внешней политики, подробно информируя своих читателей о ситуации на международной арене. Отражая внешнеполитическую программу кадетской партии, «Речь» придерживалась дружественной Франции и Англии линии, рассматривая Германию и Австро-Венгрию в качестве главных соперников России в борьбе за влияние на Балканах и Ближнем Востоке. Однако, несмотря на свою проантантовскую позицию, в дни июльского кризиса газета выступила против вмешательства России в австро-сербский конфликт. Опасаясь поражения России и революционных потрясений в случае неудачной войны, она осуждала воинственную позицию националистов, октябристов и прогрессистов. Призывая сделать всё для того, чтобы избежать войны с австро-германским блоком, «Речь» явно выделялась на фоне большинства российских периодических изданий, настаивавших на активной поддержке Сербии. После объявления Германией войны России антимилиитаристская позиция главной кадетской газеты привела к её временному закрытию.

После заявлений лидеров кадетской партии о своей солидарности с правительством в условиях начавшейся войны с австро-германским блоком и личной просьбы председателя Думы М.В. Родзянко 4 августа (22 июля по ст. ст.) 1914 г издание газеты было возобновлено. В этот же день газета опубликовала царский манифест о войне, а в передовой статье призвала «отложить внутренние споры, когда внешний враг стоит у ворот». Отныне «Речь» последовательно выступала за ведение войны с Германией и Австрией до победного конца, поддерживая притязания царского правительства на черноморские проливы, Турецкую Армению и ряд других территорий.

Ключевые слова: партия кадетов, российская пресса, канун Первой мировой войны, австро-сербский конфликт.

Одним из важнейших либеральных органов в системе российской периодической печати накануне Первой мировой войны являлась газета «Речь», издававшаяся в Санкт-Петербурге партией конституционных демократов (кадетов). Идею создания большой политической газеты лидер кадетов П.Н. Миллюков обсуждал ещё в сентябре 1905 г., когда в условиях революционного подъёма большая часть российских газет явочным порядком ликвидировала цензуру. В феврале 1906 г. был заключён договор с издателем Ю.В. Баком, и 23 февраля вышел первый номер газеты «Речь». В 1908 г. было образовано Товарищество по изданию газеты «Речь» во главе с видными деятелями кадетской партии И.И. Петрункевичем и В.Д. Набоковым. Кредиторами «Речи» выступали состоятельные члены руководства партии и члены совета Азовско-Донского коммерческого банка [2, с. 67–68].

Фактическими редакторами с момента создания газеты являлись П.Н. Миллюков и И.В. Гессен. Авторами «Речи» были почти все руководители кадетской партии – С.А. Муромцев, В.А. Маклаков, Ф.И. Родичев, С.А. Котляревский, Ф.Ф. Кокошкин, П.Н. Миллюков, А.А. Мануйлов; а также крупные учёные, философы и видные общественные деятели – А.А. Кизеветтер, Н.И. Кареев, В.И. Вернадский, А.А. Шахматов, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, С.А. Венгеров, И.М. Гревс, А.А. Корнилов, В.Я. Богучарский, М.М. Винавер, Э.Д. Гримм, А.В. Карташев, А.А. Кауфман, И.В. Луцицкий, П.И. Новгородцев и др.

«Речь» последовательно пропагандировала программу кадетской партии. П.Н. Миллюков считал, что издание «Речи» «сделало больше для распространения наших взглядов, чем все остальные способы публичной деятельности» [11, 63]. Интересно, что «Речь», связь которой с кадетской партией всем была известна и не вызывала сомнений, позиционировала себя как «внепартийную» независимую газету. Такой отказ признать связь издания с конкретной партией был характерен для русской журналистики в послереволюционный период, так как редакции газет и журналов понимали, что последовательная и открытая пропаганда только партийных программ сужает возможности периодического издания в завоевании широкой аудитории [8, 199–200].

«Речь», чей тираж в 1914 г. составлял около 40 тыс. экз., была дорогим изданием, ориентированным на обеспеченную либерально настроенную интеллигенцию и буржуазию. Льготная подписка на газету предоставлялась сельским учителям, крестьянам, рабочим, студентам и др. Образцом для подражания редакции «Речи» служила лондонская «Times». Как отмечает Н.Б. Хайлова, «газета принадлежала к числу хорошо осведомлённых изданий, имела разветвлённую сеть корреспондентов в России и за рубежом» [10, 798]. Несмотря на то, что кадеты издавали

более дешёвые и доступные для широких масс ежедневные газеты («Реформа» и «Современное слово»), а также контролировали такие авторитетные либеральные издания, как «Русские ведомости» и «Вестник Европы», «Речь» оставалась главным рупором кадетской партии, наиболее последовательно отражавшим её политическую линию и взгляды П.Н. Миллюкова.

«Речь» проявляла большой интерес к вопросам внешней политики, подробно информируя своих читателей о ситуации на международной арене. Газета ежедневно публиковала последние известия из разных мировых центров, многие из которых доставлялись собственными корреспондентами [5, 290; 6, 36–38]. Подобно другим либеральным изданиям, «Речь» придерживалась дружественной Франции и Англии линии, выступая против возрождения в каком-либо виде Союза трёх императоров. Она приветствовала заключение русско-английской конвенции 1907 г. о Персии, Афганистане и Тибете, рассматривая её как важный фактор поддержания международного равновесия. Кадеты считали примирение и компромисс с Британией в Центральной Азии и с Японией на Дальнем Востоке необходимым условием для проведения активной политики на Балканах, где России противостояла империя Габсбургов и стоящая за её спиной Германия [3; 4; 12, 154–193; 13].

Как и вся прочая российская пресса, «Речь» активно откликнулась на двойное сараевское убийство 1914 г., ставшее прологом Первой мировой войны [7]. Начиная с 29 (16 по ст. ст.) июня многочисленные телеграммы о сараевском покушении и статьи, посвящённые погибшему наследнику габсбургского престола, заполнили полосы главной кадетской газеты. Сознавая важность происшедшего, редакция в своих оценках соблюдала осторожность: убийство Франца Фердинанда и его супруги Софии Хоненберг признавалось страшным преступлением, а совершившие его сербские террористы жёстко осуждались. Газета напомнила читателям трагическую историю семьи императора Франца Иосифа, большинство родственников которого погибли насильственной смертью. В первой статье о сараевском покушении говорилось: «Мысль не может обратиться ни к чему, кроме факта смерти, встающего перед нами в скорбном величии какого-то изначального, древнего, трагического рока, который преследует дом Габсбургов. Наследники престарелого монарха падают один за другим, подкошенные насильственной смертью от своей или чужой преступной руки... Даже у людей, мало склонных к суеверию, может зародиться какой-то безотчётный суеверный страх или трагический ужас перед этим неотступным преследованием несчастья, перед этой печальной вереницей катастроф и смертей» [15].

«Речь» не сомневалась, что «убийство эрцгерцога есть результат широкого политического заговора» [15]. Для сербских национа-

листов Франц Фердинанд был воплощением захватнической австрийской политики, «фигурой, в которой как бы сосредоточилась вся жизнеспособность габсбургской монархии, её цепкое жизненное упорство в защите старых политических притязаний на преобладание в западной части Балканского полуострова» [15]. Отмечая тесную связь трагической смерти Франца Фердинанда с нерешённым сербским вопросом, кадетская газета писала, что только реформирование страны на началах полного равноправия входящих в её состав народностей «может укрепить Дунайскую монархию среди тяжких испытаний, через которые суждено ей пройти» [16]. При этом указывалось на неопределённость политической ситуации, сложившейся после сараевских выстрелов. «Покушение в Сараеве... есть одно из тех событий, последствия которых не могут быть взвешены и определены сразу, так как последствия эти неисчислимы» [16]. Погиб человек, с именем которого связывали глубочайшие перемены в империи Габсбургов. Вся Европа ожидала от будущего императора Франца Фердинанда I грандиозного переворота в политической структуре Дунайской империи, прежде всего, решения важнейшего для этой страны национального вопроса. «Не только вопрос о “дуализме” или “триализме”, но даже вообще вопрос о дальнейшем существовании этого сложного по составу государства ставился в связь со вступлением на престол покойного наследника» [16].

Российские газеты в первые дни после сараевского убийства уделили много внимания личности и политическим взглядам погибшего эрцгерцога. Не стала исключением и «Речь». О взаимоотношениях Франца Фердинанда с партнёрами Австрии по Тройственному союзу писал берлинский корреспондент этой газеты А. Коральник [17]. Эрцгерцог, по его словам, долгое время был противником Тройственного союза. Он не любил Италию не только из-за ирредентистских устремлений итальянцев, живущих на территории Австрии, но также из-за конфликтов итальянского государства и Савойской династии с римско-католической церковью. Германии он также чуждался, избегая встреч с членами правящего рода Гогенцоллернов. Такое отношение к союзникам Коральник объясняет тем обстоятельством, что Франц Фердинанд принадлежал к когорте «австрийцев старого закала», так называемых «Altösterreicher», которые до сих пор помнят и войну с Пьемонтом 1859 г., лишившую империю Ломбардии и подорвавшую её позиции в Северной Италии, и войну 1866 г. с Пруссией, выдавшую Австрию из Германии. Для них Тройственный союз – это прежде всего произведение Д. Андраши, сепаратиста и государственного преступника, приговорённого после подавления венгерской революции 1848–1849 гг. к смертной казни. И союз этот, по мнению «староавстрийцев», служит интересам именно венгров, обеспечивая им господствующее

положение в империи Габсбургов. Коральник сообщал, что агрессивная политика Франца Фердинанда вызывала недовольство германских правящих сфер. Угрожающая позиция Австрии в отношении Сербии и России, албанская авантюра, вбившая ещё один клин в отношения между Римом и Веней, новый австрийский империализм, «стремящийся куда-то и к чему-то, вся эта “великоавстрийская” смутная, бесцельная политика угрожала миру Германии» [17], а потому делала эрцгерцога весьма опасным и неудобным союзником для Берлина. Германской дипломатии приходилось постоянно сдерживать милитаристский пыл своей союзницы, но это имело успех только до тех пор, пока во главе Дунайской империи оставался осторожный император Франц Иосиф. Если бы Франц Фердинанд вступил на престол, то Германия не смогла бы удержать его от великоавстрийских авантур.

Начиная с первых чисел июля, тема убийства Франца Фердинанда и возможных последствий этого происшествия для Европы отходит в «Речи» на второй план. Уже в номере за 1 июля (18 июня по ст. ст.) передовая статья была посвящена другим вопросам. А 4 июля (21 июня по ст. ст.) исчезает и рубрика «Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги», появившаяся сразу после сараевского покушения. Вместо нее публикуются небольшие по объёму заметки «Отголоски убийства Франца Фердинанда» в рубрике «Вечерние известия». Постепенно редакция кадетской газеты стала склоняться к мысли, что все может окончиться мирно. Надежды на благополучный исход кризиса связывались в основном с благоразумием и умеренностью престарелого императора Франца Иосифа, не склонного к военным авантюрам [19].

В обзоре «За неделю» 6 июля (23 июня по ст. ст.) отмечалось: «Временное возбуждение, вызванное покушением, уже в настоящее время значительно улеглось». То же настроение демонстрирует и статья анонимного автора, подписавшегося псевдонимом «Скептик»: «Невыносимая жара и лесные пожары – вот самая злободневная тема, волнующая петербуржца куда сильнее, нежели последствия убийства Франца-Фердинанда» [18]. А в статье «Балканские тревоги», опубликованной 14 (1 по ст. ст.) июля, хотя и говорилось, что «тучи, клубящиеся над Балканами, как-то естественно складываются в грозный призрак европейской войны», но подчеркивалось, что «это уже бывало не раз... Вот почему и нынешним тревогам, может быть, не следует придавать особенно серьёзного значения» [20].

Весьма оптимистично смотрел на будущее европейского мира берлинский корреспондент Коральник, по мнению которого после гибели воинственно настроенного эрцгерцога «политический горизонт несколько прояснился. Новая австрийская политика возвращается к старой формуле *quieta non movere*, оставить все по-старому, не стремиться к великой по-

■ История: к 100-летию первой Мировой войны

литике... Австрийцы знают, что сила Австрии исключительно и единственно в ничегонеделании... Всякая попытка Австрии к расширению границ, к "новой жизни" может стать фатальной для нее» [17].

Австрийский корреспондент «Речи» Влад. Виктор (В.В. Топоров) также не верил, что Вена решится на войну в условиях ослабления своих позиций на Балканах и нарастания центробежных тенденций внутри многонационального государства. 13 июля (30 июня по ст. ст.) он писал: «Кажется, ни у кого нет никакого сомнения, что в эти трудные для монархии минуты она действительно миролюбива. Она миролюбива потому, что с Албанией плохо, с Румынией неладно, с Италией отношения все ещё выясняются, с Германией неопределенно... Она миролюбива потому, что со всех сторон ступились грозные тучи...» [19]. Виктор отмечал, что сербская пресса ведет себя разнузданнее австрийской, где «боевые фразы уступили место меланхолическому раздумью». А через несколько дней тот же автор ещё более уверенно писал, что сараевское убийство не отразится на ситуации в Европе и повлечёт за собой разве что изменения в политической жизни империи Габсбургов: «Теперь уже для всех ясно, что опять поставивши в порядок дня наиболее острые, наиболее больные вопросы внутренней политики двуединой монархии, эта трагедия останется чисто внутренним вопросом и прямого воздействия на международные отношения не окажет» [21].

Однако в то время, когда кадеты поверили в возможность благополучного исхода кризиса, в российскую прессу просочились первые слухи о содержании ноты, которую австрийские дипломаты готовились предъявить сербскому правительству. Под влиянием этих слухов «Речь» 20 (7 по ст. ст.) июля писала: «В области внешней политики истекшая неделя представляла затишье перед бурей. "Буря" – это ожидаемое предъявление Сербии австрийского требования о прекращении великосербской пропаганды, тайной и явной» [22]. «Буря», о которой предупреждала «Речь», разразилась 23 (10 по ст. ст.) июля 1914 г., когда австрийский посланник в Белграде В. Гизль вручил правительству Н. Пашича ноту ультимативного содержания, на выполнение условий которой отводилось сорок восемь часов. От Сербии требовали:

- публично осудить всякую агитацию и пропаганду против Австро-Венгрии;
- закрыть все антиавстрийские издания;
- исключить из школьной программы все антиавстрийские высказывания;
- уволить всех офицеров и должностных лиц, замеченных в антиавстрийской пропаганде, причем списки этих лиц должны были быть составлены самими австрийцами;
- допустить на сербскую территорию силовые структуры Австро-Венгрии для подавления движений, «направленных против территориальной целостности Австро-Венгрии»;

– допустить австро-венгерские следственные органы к расследованию на территории Сербии сараевского убийства.

Фактически австрийский ультиматум был преднамеренной провокацией, нацеленной на развязывание войны против Сербии. Именно так и оценила австрийский демарш главная газета кадетов, отмечавшая, что «содержание ноты по определённости и решительности превосходит всё, что можно было ожидать» [23]. Смысл австрийской ноты, по мнению «Речи», сводится не столько к расследованию сараевского преступления, сколько к обязательствам Сербии изменить весь курс своей политики: от Белграда требуют отказаться от сербского национального идеала объединения всех сербов в рамках единого национального государства. «Вопрос о преследовании непосредственных виновников покушения 15 июня совершенно ступшевается при этой широкой постановке, и на первый план выступает традиционная политика унижения, а если можно, то и уничтожения Сербии» [23].

Сообщая, что министерство иностранных дел России выступило с предложением продлить срок австрийского ультиматума, принять посредничество держав и перенести весь австро-сербский спор на почву международного обсуждения, «Речь» скептически смотрела на эту инициативу российской дипломатии. Краткий срок австрийского ультиматума просто не допускает посредничества, а его крайне резкий тон делает для Вены невозможным отступление без потери лица. Газета считала, что российское правительство и российская дипломатия уже вряд ли могут что-либо предпринять, как-либо воздействовать на ситуацию – вся инициатива принадлежит странам Тройственного союза: «Остановить ход событий, по-видимому, уже не в нашей власти. Те, кто готовили ультиматум и кто на него соглашался, держат теперь в своих руках судьбу войны или мира» [23].

По мнению рупора кадетской партии, вопрос для России сводится к следующему: «Хотим мы или не хотим европейской войны? Считаем мы или не считаем момент, выбранный для конфликта нашими противниками, удобным для нас? Готовы мы принять сражение там, где нам его предлагают? Вот, в сущности, те вопросы, которые приходится решать в данную минуту, а во все не вопрос о том, заслужено или не заслужено Сербией то обращение, предметом которого она сделалась» [23]. Подчеркивая неготовность страны к войне с австро-германским блоком и её нестабильное внутреннее положение, кадеты решительно выступили за нейтралитет России в австро-сербском конфликте. «Речь» указывала, что единственное средство в данный момент избежать столкновения двух европейских блоков – это «"локализация" сербского вопроса и строгое воздержание от каких бы то ни было поощрений по адресу Сербии» [23].

В последующие дни настроение редакции газеты колебалось, переходя от надежды на мир-

ное решение кризиса к тревоге и снова к надежде. Тот факт, что Австро-Венгрия, разорвав 25 (12 по ст. ст.) июля 1914 г. дипломатические отношения с Сербией и отозвав из Белграда своего посланника, медлила с объявлением войны, позволял предположить, что в последний момент австрийцы воздержатся от совершения рокового шага. 27 (14 по ст. ст.) июля «Речь» писала: «Истекшие сутки принесли с собой некоторое успокоение и усилили надежду на возможность мирного исхода... Европейская война – дело нешуточное, и теперь, когда австрийский ультиматум неожиданно поставил всю Европу перед необходимостью сделать выбор, естественно, что у самых решительных должны были возникнуть колебания» [24]. Признаками таких колебаний кадеты считали заявления германских дипломатов о непричастности Берлина к составлению австрийской ноты, а также поведение Италии, дистанцировавшейся в течение кризиса от своих союзников и готовой даже выступить вместе с Англией в роли посредника. «Речь» не исключала, что вся громкая австрийская затея была основана не на «предварительном сговоре» стран Тройственного союза, а «на плохо сделанном расчёте», который уже потерял свой главный козырь – внезапность.

Подобные настроения были реакцией на поведение австрийской дипломатии, которой на протяжении июльского кризиса удавалось набрасывать мирный покров на приготвления к войне, вводить в заблуждение европейскую общественность и ставить прочие великие державы перед свершившимися фактами. Дипломаты с Бальхаусплатц даже попытались скрыть текст сербского ответа на скандальную австрийскую ноту. После состоявшегося разрыва дипломатических отношений с Сербией он слишком ярко демонстрировал истинные цели руководства Австро-Венгрии, сводившиеся к желанию создать повод для военного столкновения с соседней балканской страной. Уступчивость правительства Н. Пашича и одновременно отказ выполнить буквально ряд особо провокационных требований поставили австрийских дипломатов в крайне неловкое положение.

Российские периодические издания, включая «Речь», смогли ознакомиться с ответной сербской нотой только 27 (14 по ст. ст.) июля. Все они выражали недоумение, почему после столь уступчивого и по тону, и по содержанию ответа, явившегося огромной дипломатической победой Австро-Венгрии, последняя все же пошла на разрыв. «Речь» в данной связи писала: «Поведение Австро-Венгрии с каждым днём представляется всё более странным и необъяснимым... более полного удовлетворения, чем то, которое содержится в опубликованном теперь тексте сербского ответа, нельзя себе и представить» [25]. Кадеты признавали, что они обезоружены: призывая правительство России не поощрять сербского упрямства, а Белград – уступить австрийским домогательствам, дабы

не спровоцировать общеевропейскую войну, они и не рассчитывали на столь большие уступки и жертвы, на которые решили пойти сербы ради сохранения мира. Кадетская газета не понимала, что ещё нужно Австро-Венгрии от своего сербского соседа: «Сэрбию хотят к чему-то ещё принудить. Но к чему же, если всё, чего от нее требовали, она уступила добровольно, – в той мере, в какой вообще могло делать уступки правительство конституционной страны?» [25]

Все «странности» в поведении Австро-Венгрии проявились 28 (15 по ст. ст.) июля 1914 г., когда эта держава объявила войну Сербии. После этого не осталось никаких сомнений, что Вена целенаправленно шла к развязыванию вооружённого конфликта, используя сараевскую трагедию как предлог. «Момент колебаний и надежд прошёл, – писала «Речь» на следующий день. – Сегодня мы стоим перед таким же критическим моментом, как и пять дней тому назад, при опубликовании австрийского ультиматума. Наши худшие предположения подтверждаются. Австрия знала, что делала, когда выставляла неприемлемые требования. Она знала, что делала и тогда, когда неприемлемые требования были приняты, – и она всё-таки объявила себя неудовлетворённой» [26]. Так как ссылаться на содержание сербской ответной ноты бессмысленно, в Вене пытаются найти повод для войны в её тоне: после тщательного изучения сербского ответа он был признан «неискренним». «Было бы слишком позорно для нашего просвещённого века, – восклицала «Речь», – если бы из-за аргументов, подобных приведенным, произошел европейский катаклизм... Для Германии, Франции, Англии повергнуть свои народы и страны в бездну несчастий и бедствий из-за “неискренности” тона сербской ноты было бы слишком нелепо и безумно» [27].

Начало австро-сербской войны чрезвычайно остро поставило вопрос о том, какую позицию должна занять в сложившейся ситуации Россия. В то время, как почти все ведущие органы российской прессы – от либерального «Вестника Европы» до черносотенного «Русского знамени» – призывали оказать активную помощь Сербии, «Речь» продолжала настаивать на невмешательстве России и локализации австро-сербского конфликта [26]. Кадетская газета даже поддержала инициативу германской дипломатии, получившую в исторической литературе обозначение «Halt in Belgrad» («Остановка в Белграде»). Предполагалось, что войска Австро-Венгрии оккупируют Белград в качестве гарантии выполнения принятых Сербией условий ультиматума, но дальше вглубь сербской территории не продвигаются [14, с. 143–150]. О причинах, заставивших партию конституционных демократов занять такую позицию, написал в своих мемуарах ее лидер П.Н. Милюков: «После всех балканских событий предыдущих годов было поздно говорить о моральных обязанностях России по отношению к славянству,

■ История: к 100-летию первой Мировой войны

ставшему на свои собственные ноги. Надо было руководиться только русскими интересами, – а они, как было понято в 1913 г., расходились с интересами балканцев... при явной неготовности России к войне и при её сложившемся внутреннем положении поражение России мне представлялось более чем вероятным, а его последствия – неисчислимыми... Нет, чего бы это ни стоило Сербии, – я был за “локализацию”» [9, с. 475].

Анализируя возможные варианты развития ситуации, «Речь» предполагала, что в течение определённого времени Россия будет оставаться зрительницей разворачивающихся на Балканах событий. Главное – как далеко зайдут эти события и что будет сделано державами для возвращения к поиску мирного решения. Кадеты горячо поддержали предложение британской дипломатии созвать конференцию незаинтересованных стран (Англии, Италии, Франции и Германии), которые могли бы выступить в качестве посредников между Веной и Белградом. «Мы не сомневаемся, что посредники, в конце концов, договорятся до удовлетворительного результата. И Европа будет спасена от “катастрофы”» [26].

«Речь» напоминала, что Европа за последние годы уже не раз находилась на пороге вооружённого столкновения между великими державами, но каждый раз удавалось найти общий язык и базу для переговоров. Поэтому кадетская газета не хотела верить, что в данном случае, когда уже налажены каналы для дипломатического разрешения конфликта, переговоры не состоятся или, состоявшись, окончатся безрезультатно. «Как врач у постели тяжкого больного, мы до последней минуты не поверим в роковой исход» [27].

Таким образом, в дни июльского кризиса газета «Речь» выступала против вмешательства России в австро-сербский конфликт. Опасаясь поражения России и революционных потрясений в случае неудачной войны, она осуждала воинственную позицию националистов, октябристов и прогрессистов. Призывая сделать всё для того, чтобы избежать войны с австро-германским блоком, «Речь» явно выделялась на фоне большинства российских периодических изданий, настаивавших на активной поддержке Сербии. Такая антимилитаристская позиция главной кадетской газеты даже привела к её закрытию: 2 августа (20 июля по ст. ст.), на следующий день после объявления Германией войны России, распоряжением верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича был приостановлен выход тех органов печати, которые, по мнению властей, не могли считаться благонадёжными и лояльными.

В список таких изданий попала и кадетская «Речь». Лишь после заявлений лидеров кадетской партии о своей солидарности с правительством в условиях начавшейся войны с австро-германским блоком и личной просьбы председателя Думы М.В. Родзянко издание газеты 4 авг. (22 июля по ст. ст.) 1914 г. было возобновлено. В тот же день кадетский официоз опубликовал царский манифест о войне, а в передовой статье призвал «отложить внутренние споры, когда внешний враг стоит у ворот». Отныне «Речь» последовательно выступала за ведение войны с Германией и Австрией до победного конца, поддерживая притязания царского правительства на черноморские проливы, Турецкую Армению и ряд других территорий [1, с. 90–91].

Список литературы

1. Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. 151 с.
2. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.
3. Воронкова И.Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М.: АПКиППРО, 2010. 368 с.
4. Гришина М.И. Империалистические планы кадетской партии по вопросам внешней политики России (1907–1914 гг.) // Ученые записки Московского гос. пед. института им. В.И. Ленина. № 286. М., 1967. С. 66–84.
5. Кострикова Е.Г. Источники внешнеполитической информации русских буржуазных газет (на материалах архивных фондов «Речи» и «Русского слова») // Исторические записки. № 103 / Глав. ред. А.М. Самсонов. М., 1979. С. 275–298.
6. Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны 1907–1914. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 175 с.
7. Котова Е.В. Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и закат империи Габсбургов // Цареубийства: Гибель земных богов / Сост. Н.В. Попов. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 455–476.
8. Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914). М.: Изд-во Московского университета, 1991. 205 с.
9. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Вагриус, 2001. 636 с.
10. Хайлова Н.Б. «Речь» // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 797–798.

11. Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1997. 315 с.
12. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М.: Наука, 1991. 231 с.
13. Liszkowski U. Zwischen Liberalismus und Imperialismus: die zaristische Außenpolitik vor dem Ersten Weltkrieg im Urteil Miljukovs und der Kadettenpartei 1905–1914. Stuttgart: Klett, 1974. 296 S.
14. Meyer-Arndt L. Die Julikrise 1914: Wie Deutschland in den Ersten Weltkrieg stolperte. Köln: Böhlau, 2006. 407 S.

Об авторе

Котов Борис Сергеевич – к.и.н., н.с. Института всеобщей истории РАН. Сфера научных интересов: русско-германские и русско-австрийские отношения в XIX – нач. XX вв., политика австро-германского блока накануне Первой мировой войны и русское общественное мнение, история русской дореволюционной прессы. E-mail: bs.kotov@mail.ru

THE NEWSPAPER “RECH” IN THE DAYS OF THE JULY CRISIS OF 1914.

B.S. Kotov

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Leninsky Prospekt, 32A, 119991.

Abstract: *This article examines the position of the newspaper “Rech” during the July crisis of 1914. “Rech”, founded in 1906 by the Constitutional Democratic Party (Kadets), was on the eve of the First World War one of the most important liberal organs of the Russian press. Traditionally the newspaper has paid great attention to questions of foreign policy, in detail informing its readers about the situation on the international arena. Reflecting the foreign policy program of the Kadet party, “Rech” supported the idea of the alliance with France and England and considered Germany and Austria-Hungary as the main rivals of Russia for influence on the Balkans and the Middle East. However, despite its pro-Entente position, in the days of the July crisis the newspaper opposed the intervention of Russia in the Austro-Serbian conflict. Fearing defeat of Russia and revolutionary upheavals in case of unsuccessful war, it condemned aggressive position of nationalists, Octobrists and Progressists. “Rech” urged to do everything to avoid war with the Austro-Germanic bloc. Thus, it clearly stood out against the background of the majority of Russian periodicals, which insisted on the active support of Serbia. After Germany declared war on Russia, this anti-militarist position of the main Kadet newspaper led to its temporary closing. Only after statements of the leaders of the Constitutional Democratic Party about its solidarity with the government in the conditions of the war, the newspaper was resumed.*

Key words: the July crisis of 1914, the newspaper “Rech”, the Constitutional Democratic Party (Kadets), the Russian press, the eve of the First World War, the Austro-Serbian conflict.

References

1. Berezhnoy A.F. Russkaya legal'naya pechat' v gody pervoy mirovoy voyny [Russian legal press during the First World War]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1975. 151 p.
2. Bokhanov A.N. Burzhuaznaya pressa Rossii i krupnyj kapital. Konets XIX v. – 1914. [The bourgeois press of Russia and the big capital. The end of the 19 century – 1914]. Moscow: Nauka, 1984. 152 p.
3. Voronkova I.E. Doktrina vneshney politiki partii konstitutsionnykh demokratov [The doctrine of foreign policy of the Constitutional Democratic Party]. Moscow: ACADEMIA, 2010. 368 p.
4. Grishina M.I. Imperialisticheskiye plany kadetskoy partii po voprosam vneshney politiki Rossii (1907–1914 gg.) [Imperialist foreign policy plans of the Russian Kadet party (1907–1914)]. Uchenye zapiski Moskovskogo gos. ped. instituta im. V.I. Lenina [Proceedings of the Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin], 1967, № 286, pp. 66–84.
5. Kostrikova E.G. Istochniki vneshnepoliticheskoy informatsii russkikh burzhuaznykh gazet (na materialakh arkhivnykh fondov “Rechi” i “Russkogo slova”) [The sources of foreign policy information in the Russian bourgeois newspapers (on materials of archives of papers “Rech” and “Russkoye slovo”)]. Istoricheskiye zapiski – Historical review / Ed. by A.M. Samsonov, 1979, № 103, pp. 275–298.

■ История: к 100-летию первой Мировой войны

6. Kostrikova E.G. Russkaya pressa i diplomatiya nakanune pervoy mirovoy voyny 1907–1914 [Russian press and diplomacy on the eve of the First World War 1907–1914]. Moscow: Institut Rossiyskoy istorii RAN, 1997. 175 p.
7. Kotova E.V. Sarayevskoye ubiystvo 28 iyunya 1914 g. i zakat imperii Gabsburgov [The Sarajevo assassination on June 28, 1914, and the decline of the Habsburg Empire]. Tsareubiystva: gibel' zemnykh bogov – Regicide: the death of the earth gods. Moscow: KRON-PRESS, 1998, pp. 455–476.
8. Makhonina S. Russkaya dorevolutsionnaya pechat' (1905–1914) [Russian pre-revolutionary press (1905–1914)]. Moscow: Moscow Univ. press, 1991. 205 p.
9. Milyukov P.N. Vospominaniya [The memoirs]. Moscow: Vagrius, 2001. 636 p.
10. Khailova N.B. "Rech" Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka. Entsiklopediya ["Rech" Russian liberalism of the middle of XVIII – early XX century. The encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 797–798.
11. Shevtsov A.V. Izdatel'skaya deyatel'nost' russkikh nesotsialisticheskikh partiy nachala 20 v. [Publishing activities of Russian non-socialist parties of the early 20 century]. St. Petersburg: Izd-vo Rossiyskoy natsional'noy biblioteki, 1997. 315 p.
12. Shelokhaev V.V. Ideologiya i politicheskaya organizatsiya rossiyskoy liberal'noy burzhuazii. 1907–1914 gg. [Ideology and political organization of the Russian liberal bourgeoisie. 1907–1914]. Moscow: Nauka, 1991. 231 p.
13. Liszkowski U. Zwischen Liberalismus und Imperialismus: die zaristische Außenpolitik vor dem Ersten Weltkrieg im Urteil Miljukovs und der Kadettenpartei 1905–1914. Stuttgart: Klett, 1974. 296 p.
14. Meyer-Arndt L. Die Julikrise 1914: Wie Deutschland in den Ersten Weltkrieg stolperte. Köln: Böhlau, 2006. 407 p.

About the author

Kotov Boris Sergeevich – Candidate of historical sciences, researcher, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. Sphere of scientific interests: Russian-German and Russian-Austrian relations in the XIX – early XX centuries, the policy of the Austro-Germanic alliance on the eve of the First World War and the Russian public opinion, the history of Russian pre-revolutionary press. E-mail: bs.kotov@mail.ru